

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
ПАВЕЛ АСТАХОВ

ЖИЛЬЕ

ДЕЛА СУДЕБНЫЕ

ПО ОБМАНУ

Павел Алексеевич Астахов
Татьяна Витальевна Устинова
Жилье по обману
Серия «Дела судебные»
Серия «Я – судья», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50287107
Жилье по обману: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-110210-4

Аннотация

Великолепный литературный дуэт Татьяны Устиновой и Павла Астахова продолжает цикл «Дела судебные» и раскрывает в новом романе как нельзя более актуальную тему – жилищного строительства и обманутых дольщиков. Судья Лена Кузнецова пытается установить – кто они, мошенники, лишаящие людей крыши над головой? Как призвать их к ответу? Попутно ей приходится решать семейные проблемы, странным образом тоже связанные с наболевшим квартирным вопросом...

Содержание

Истец Волошин Г. В.	20
Истец Петровская Е. Н.	44
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Татьяна Устинова, Павел Астахов Жилье по обману

© Астахов П., Устинова Т., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*** * ***

– Водичка, водичка, умой мое личико, – непослушными губами шептала я над умывальником, чувствуя себя при этом на редкость глупо.

Сашка, моя любящая дочь и продвинутый бьюти-блогер, принесла домой кулечек с какими-то семенами и самолично приготовила из них чудо-масочку для истребления морщин и эффективной подтяжки кожи. А поскольку у самой Сашки в ее пятнадцать никаких морщин нигде нет еще и в помине, чудо-масочка была намазана на меня. Дочь уверяла, что эффект будет не хуже, чем от сказочных молодильных яблочек.

Я на эту разрекламированную косметическую процедуру не напрашивалась, но и не сильно сопротивлялась, чтобы все не отбить у дочери-подростка желание заботиться о старушке-матери. Это сейчас мне слегка за сорок, а будет же когда-то, я надеюсь, и за семьдесят, тогда мне любое внимание

потомков очень пригодится. И вообще, останавливать детей в их благих порывах крайне непедагогично, это вам и Макаренко с Песталотци скажут.

Чудо-масочка имела цвет и консистенцию густой болотной жижи. Фу-у, какая гадость! А вдруг я начну день с нее – и будет у меня потом воистину черный понедельник?

– Не загоняйся, мам, пиявки вот тоже в болоте живут, а дико полезные! – напомнила Сашка, желая меня успокоить.

Это у нее не очень получилось: я встревожилась, а не прищипит ли она мне в следующий раз болотных пиявок? Они, конечно, дико полезные, но и столь же противные...

И почему это почти все то, что полезное, непременно противное? И наоборот. Мой любимый торт «Наполеон» жутко вреден для фигуры, а приятные глазу платица из новой коллекции модного дизайнера, на показ которой меня таскала на прошлой неделе Натка, смертельно опасны для кошелька...

– Ну? Сама намажешься или помочь? – угрожающе поинтересовалась Сашка, нетерпеливо тыча мисочку с чудо-блякой мне в лицо.

Отступить было некуда, позади стеной стояли Макаренко с Песталотци. Я вздохнула, смирилась и мужественно намазала лицо полезной жижей.

Посмотрелась в зеркало – м-да, вид у меня уже на этой стадии оказался просто сказочный! Если прямо сейчас сфотографировать, будет готовая иллюстрация с подписью: «Царевна-лягушка: попытка трансформации из грязи в князи!»

Щелк! Сашка как будто подслушала мои мысли – сделала фото на свой смартфон. Ох, как же это я не сообразила, что она непременно затеет пошаговый фотоотчет и буду я наипервейшей сказочной красавицей всея Интернета... Свет мой, Инстаграм, скажи, да всю правду доложи: я ль на свете всех милее? И километры комментов под постом: нет, мать, не льсти себе...

– Да ладно, мам! Через десять минут смоешь – и сразу станешь супер, – разглядев мои сомнения даже под масочкой, пообещала мне бьюти-блогерша.

– Еще бы, на контрасте-то! – недоверчиво хмыкнула я, но послушно проходила немытой Царевной-лягушкой даже не десять, а целых пятнадцать минут.

А потом пошла в ванную умываться, открыла кран – и он выдал мне не водичку, а пространную тираду из шипения, сопения, кряхтения и фыркания.

– А-а-а! – перекрикивая шумящий кран, взывала я.

Жутенькая чудо-масочка за четверть часа стянула кожу так, что мое лицо окаменело, даже рот открыть было трудно, и разговаривать длинными фразами я, в отличие от неумолкающего крана, никак не могла.

– Что? – дочь заглянула в ванную и сразу поняла суть проблемы. – Блин, опять отключили воду!

– Ы-ы-ы!

– Спокойно, я налью из чайника!

Сашка убежала на кухню, там погромела посудой и доло-

жила:

– В чайнике пусто!

– У-у-у!

Чавкнула, открываясь, дверца холодильника:

– Есть еще немного молока, ты можешь умыться им. Прямо как Клеопатра!

Я топнула ногой.

– Не хочешь как Клеопатра? Ну, давай попробуем стереть это ватными кружочками с мицеллярной водой.

Мицеллярная вода помогла, хотя бутылочку пришлось опорожнить почти полностью, о чем Сашка очень сокрушалась, поскольку это было ее собственное косметическое средство, купленное на карманные деньги.

– Я выставлю счет управляющей компании! – бухтела дочь за завтраком, в отсутствие воды состоявшим из печенья с молоком. – Офигеть, это уже третий случай, когда в доме – бац! – и отключают воду! Ну, беспредел же, ва-аще без предупреждения! В прошлый раз у нас стиралка остановилась, а у меня там любимый свитшот крутился, пришлось потом тащиться в школу в другом, нелюбимом. Теперь вот жуть какую дорогую мицеллярную воду, считай, зазря извели! Сплошные потери!

– Прибавь к этому мое испорченное настроение и реальную перспективу обострения гастрита, – проворчала я, ожесточенно грызя сухое печенье: молока едва хватило на один стакан для дочки.

Почему-то у нас в доме всегда маловато провианта. То денег не хватает, то едоков слишком много...

Только позавчера улетел Говоров, приехавший из своих причерноморских краев на короткую побывку. Он-то, собственно, и натащил к нам в дом разных вкусных калорийных продуктов, при Говорове мы не голодали, вовсе нет! У нас тут и борщ был, и котлеты, и пироги – я вспомнила и, как говорит моя Сашка, прокачала все свои кулинарные навыки, чтобы любимый мужчина не усомнился: со мной вполне можно строить полноценную ячейку общества на три и более персоны, они все будут как минимум сыты. Но вот Никита уехал заканчивать свою стройку века, и в нашем холодильнике снова образовалась пустая заснеженная тундра...

– Ага, в таком настроении ты сейчас кого-нибудь ка-а-ак засудишь! – мстительно поддакнула Сашка. – Жалко, что не нашу управляющую компанию.

Я злобно укусила печенье. У дочки несколько искаженное представление о том, чем руководствуется при вынесении решений наш самый справедливый в мире суд, но где-то она права. Голодный судья – злой судья!

Это, кстати, не мое личное мнение, а экспериментально доказано. Я в научном журнале читала: американские ученые проанализировали результаты 1112 слушаний о судьбе заключенных четырех израильских тюрем, которые провели восемь судей за десять месяцев, и выяснили, что шансы заключенного на условно-досрочное освобождение реально

зависят от того, как сильно судье хочется на обеденный перерыв. Чем больше судья проголодался, тем выше вероятность, что он отвергнет ходатайство!

Совсем другое дело – судья сытый, добрый. Вот в Англии как-то был показательный случай: британский судья остановил заседание, когда узнал, что обвиняемый-филиппинец с утра ничего не ел, потому что из-за незнания языка не смог прочесть, что написано в меню в столовой в здании суда. Дело было вечером, судья, сам успевший и позавтракать, и пообедать, и «пофайфокловать», отправил своего помощника за чем-нибудь съестным для подсудимого, а помощник вернулся с пустыми руками, потому что столовая уже закрылась. И тогда тот судья, как был в мантии и парике, сам отправился на кухню за бутербродом и соком для обвиняемого.

У нас тут, конечно, не Англия с ее благородными лордами судьями, но ведь люди всюду одинаково устроены, так что я обычно не начинаю рабочий день натошак. А нынче вот всего одно сухое печенье, я голодная, злая...

Видимо, это было написано у меня на лбу достаточно крупными буквами, потому что Машка, с которой я столкнулась у дверей родного Таганского суда, сразу спросила:

– Лена, что случилось?

– Масочку делала с утра, должна была обрести неземную красоту, – желчно ответила я, всем телом налегая на дверь – она у нас тяжелая, натошак не сразу откроешь. – Что, заметно похорошела?

– Заметно, что разозлилась, – честно ответила Машка. И, как добрая подруга, великодушно подсластила пилюлю:

– А с красотой у тебя и прежде все было в полном порядке.

– Спасибо, дорогая, – растрогалась я. – Представь, у нас в доме утром неожиданно отключили воду – ни умыться, ни чаю попить!

– Ничего, Елена Владимировна, я купил кофе и булочки, – успокоил меня знакомый голос. – Всем доброе утро!

Я обернулась: за нами с Машкой уже скопилась небольшая очередь из коллег, терпеливо ожидающих моей скорой и неминуемой победы над дверью. Первым в шеренге стоял мой бесценный помощник Дима, в одной руке у него был предмет моей вечной зависти – роскошный портфель из телячьей кожи, в другой – пакет с логотипом супермаркета элитных продуктов.

Дима работает в районном суде отнюдь не ради куска хлеба, он из очень состоятельной семьи и может позволить себе качественные дорогие корма. Отчасти именно поэтому кофемашиной в нашем кабинете заведует исключительно он. Кофемашина у нас капризная и тоже любит качественные дорогие корма. Дима балует ее зернами, выращенными этичным способом. Я не знаю, как это, даже не спрашивайте. Типа, на стадии созревания к кофейным зернам проявляется максимум уважения? И толерантности, чтобы робуста не чувствовала себя ущемленной арабикой, и наоборот?

Сегодня, судя по запаху, доминировала корица.

– О, мои любимые булочки? – я чутко повела носом, стремительно добрея.

– Еще теплые, – улыбнулся Дима.

Воодушевившись, я наконец поборола дверь, и караван судебных работников быстро втянулся в холл. Машка пошла на свой второй этаж, а мы с Димой двинулись к себе в кабинет, который ласково называем «наши рудники». Там всегда такие завалы из папок с делами, что иногда я думаю – в следующем своем воплощении я точно буду работающим подгорным гномом с мотыгой, нынешняя жизнь меня к этому уже прекрасно подготовила...

– Ну что у нас новенького?

Не спеша включаться в процесс судопроизводства до получения обещанного мне кофе с булочкой, я с порога оглядела свой стол.

С момента моего ухода с работы вчера вечером гора документов на нем заметно подросла. Это могло означать только одно: под занавес рабочего дня приходила секретарша Настенька. Она давно уже заглядывается на моего помощника и выработала оригинальную тактику его охмурения: приходит под вечер с папками новых дел и всеми возможными способами пытается навести Диму на мысль о совместном отдыхе после долгого трудового дня. Дима дела от Настеньки принимает, а предложения и приглашения – нет. Наверное, у него кто-то есть, но он об этом ничего не рассказывает.

– Ничего сенсационного, – Дима включил кофемашину,

и она довольно заурчала, явно одобряя предложенные ей зерна этично выращенной арабики. – Бытовуха, штрафы, претензии к банку и иски к застройщику. Хотя...

– Что, застройщик плохо строит? Сдает жилье без удобств? – я вспомнила про отключенную воду, посуровела и сразу определилась, за какое дело возьмусь в первую очередь.

– Вообще не сдает! – Дима открыл коробку с булочками и помахал над ней ладонью, разгоняя по кабинету соблазнительный аромат. – Завтрак подан!

– Спасибо, Димочка! Что бы я без тебя делала! – искренне поблагодарила я.

После вкусного кофе со свежей булочкой даже перспектива по уши зарыться в отвалы строительного мусора не казалась мне особенно печальной. Хотя обманутые дольщики со мной наверняка не согласились бы, их ситуация с предоплаченным недостроем уже до крайности напрягла, иначе они не пошли бы в суд.

Общеизвестно, что наши люди не любят вступать в тяжбы и питают к судам вековечное недоверие. Сколько пословиц придумали: «Пошел в суд в кафтане, а вышел нагишом», «В лесу сучки, а и в судах крючки», «На суде, что на воде: как раз утонешь», «Пропадай собака и с лыком – лишь бы не судиться», «До суда три шага, а из суда и за год не дойдешь»... И конкретно про нас, судей, немало нелестного: «Судья в суде – что рыба в пруде», «Подпись судейская, а совесть лакей-

ская», «Не всякий судит по праву, иной и по нраву»...

Между прочим, вековая народная мудрость и сегодня не потеряла актуальности. Я, когда писала очередную статью для журнала, смотрела данные Федерального социологического центра РАН – его спецы изучали, каким общественным и властным институтам простые граждане доверяют больше, а каким меньше. Так вот, суды там в конце списка, ниже только пресса, Совет Федерации, Госдума и политические партии. Не верит народ в справедливость и честность судей, не верит...

Вот, кстати, надо бы мне как-то забыть свои утренние обидки по поводу отключенной воды, чтобы не быть пристрастной – не выступать заранее единым фронтом с обиженными жильцами, это было бы непрофессионально...

А папка с исками к застройщику лежала сверху. Это случайность или намек?

Я вопросительно посмотрела на помощника.

– Дим, тут что-то особенно важное, срочное? – я потыкала пальцем в потолок. – Есть указания сверху?

Дима поднял глаза на одинокую лампу в скромном плафоне. От нее, красиво ветвясь, разбегались в разные стороны тонкие трещинки. Если абстрагироваться от перспективы в недалеком будущем поймать макушкой добрый кусок штукатурки, смотреть на это было приятно. Красиво же! Лампа в окружении трещинок похожа на пробившийся из-под снежного наста цветок.

– Даже не знаю, – Дима задумался. – Особых указаний не было, но я чувствую...

И тут я тоже почувствовала: пол затрясся, выдавая приближение кого-то крупного.

– Ахтунг! – Дима выпрямился и стер с лица лирическую задумчивость.

– Здравствуйте, здравствуйте, всем доброе утро, поздравляю с началом нового трудового дня! – в распахнувшуюся дверь аккуратно вдвинулся сияющий улыбкой Плевакин.

Наш председатель суда – многоопытный юрист и отличный дядька, порядочный и с принципами, но при этом хитрец и манипулятор, каких мало. Его задушевная улыбка такой же «великий признак», как дрожание левой икры Наполеона – она уверенно предвещает неприятности. И они неизменно случаются всякий раз, когда солнечно улыбающийся Анатолий Эммануилович самолично посещает наши с Димой рудники. Плевакин у нас настоящий буревестник. Хотя внешне становится все больше похож на пингвина, особенно в этом черном костюме и белой рубашке...

Я прищурилась, воображая на месте буревестника-шефа безобидного и милого императорского пингвина. Это была последняя возможность добавить себе чуточку радости и оптимизма перед грядущими неприятностями.

– Ну, Елена Владимировна, родина тебя не забудет! Всё, началось.

– Я там тебе дельце отписал многообещающее...

Плевакин кивнул на стопку папок на столе.

– Неужели опять про красоту?¹ – скривилась я. – Анатолий Эммануилович, ну, имейте же совесть и жалость, я не хочу быть актрисой одной роли!

– Вот именно! – Плевакин согласно покивал. – Как раз поэтому на сей раз у тебя будет никакая не красота, а вовсе даже наоборот. Иски к застройщику не смотрела еще?

– Только собралась...

– Правильно, соберись, сосредоточься и покажи им всем высокий класс, как ты это умеешь.

– Им – это кому? – От догадки мне сделалось нехорошо. – Журналистам?!

Плевакин молча развел руками и покачался с ноги на ногу, сделавшись похожим на гигантского пингвина даже без прищура, однако меня уже ничто не могло развеселить.

– Ну, Анатолий Эммануилович, почему, как резонансное дело, так обязательно мне?! Отдайте кому-нибудь другому! Сидоркин вон хочет продвигать личный бренд, он даже канал себе на Дзене завел, пустите вы уже его к журналистам...

– Пустить козла в огород?! – шеф нарочито ужаснулся. – Сидоркин меры не знает, он тут устроит братание на линии фронта, а ты умеешь держать дистанцию. К тому же писаки тебя уже знают, любят, ценят... И все косточки успели обсосать, так что новых сенсационных материалов по теме твоей

¹ Подробнее об этом деле читайте в романе Т. Устиновой и П. Астахова «Красотка».

личной жизни не предвидится.

– То есть пусть меня добивают, других вы на растерзание бросать не будете, да?

– Вот, видишь, ты все понимаешь!

Шеф обласкал улыбкой меня, перевел построжавший взгляд на Диму:

– Задача ясна?

– Так точно! – бодро отчеканил мой помощник.

– Трудитесь!

Благословив нас, Анатолий Эммануилович развернулся и, мягко шаркнув округлившимся боком о дверной косяк, канул в коридор. Мы с Димой дождались, пока его шаги затихнут, и дружно вздохнули.

Такое уже случалось, Эммануилович наш дорогой уже сбрасывал мне с барского плеча резонансные процессы, на которые коршунами слетались СМИ. Всякий раз это была жуткая нервотрепка: гиперактивная желтая пресса не ограничивала свой интерес сутью дела, лезла и в мою личную жизнь, полоская бельишко так тщательно – куда там стиральной машинке!

Шеф, когда я, не выдержав прессинга, приходила к нему пустить слезинку-другую в костюмную жилетку, утешал меня тем, что я, мол, жертвую собой не напрасно, гласность и открытость общественно полезны, а внимание всяческих информаторов и просветителей к судам – похвальная традиция.

Насчет традиции я была в курсе.

Нынешние СМИ, особенно телеканалы, наводнившие эфир душераздирающими постановочными судами, вовсе не изобрели велосипед. Такие шоу – с поправкой на отсутствие телевещания – были очень популярны еще сотню лет назад.

После революции в стране царили голод, разруха, антисанитария, свирепствовали эпидемии. На издание санитарно-просветительной литературы у новой власти не имелось денег, да и какой смысл что-то печатать, если народ был чуть ли не поголовно безграмотным? А вести разъяснительную работу было жизненно необходимо, и инструмент воздействия на массы был взят из прошлого – практики студентов-юристов, в курс обучения которых входили импровизированные судебные заседания.

Такая практика в России появилась еще в середине XIX века и довольно быстро приобрела характер интеллектуальной игры: состязания судебного типа стали использовать словесники и просто любители литературы. В своих кружках, в солидных клубах, на семейных вечерах они устраивали судебные процессы над героями книг – Онегиным, Печориным, Базаровым, Дубровским...

Большевики пошли дальше и придумали ту схему, которую прекрасно используют наши сегодняшние теледеятели: они привлекли к постановкам настоящих профессионалов и поставили дело на коммерческую основу.

Организовал эту работу Народный комиссариат здраво-

охранения СССР, в основу сценария первой такой постановки лег реальный судебный процесс над проституткой, заразившей красноармейца сифилисом. Получилась захватывающая пьеса, в которой свидетели разоблачали проститутку с выразительной фамилией Заборова и она после долгих записательств и хитрых уловок признавалась, что торговала телом. Обвинитель обличал не столько подсудимую, сколько толкнувший ее на скользкий путь буржуазный строй, защитник произносил проникновенную речь, от которой публика рыдала... И финал был неожиданным – Заборову направляли на лечение, а против зараженного ею красноармейца Крестьянинова возбуждали дело «по обвинению в пользовании проституцией и создании на нее спроса».

В общем, в процессе были интриги, скандалы, расследования – все, как и сегодня любит массовый зритель. Думаю, несколько адаптированная к современности и специфике «голубого экрана» версия того суда имела бы большой успех и у нынешней публики...

– Опять! – сказала я, прекрасно понимая, что ничего уже не изменить, но испытывая острое желание пожаловаться.

– И снова, – сочувственно поддакнул верный Дима.

– Вот за что? – спросила я.

Вопрос был риторический, но помощник ловко повернул его новой гранью:

– За то, чтобы на этот раз процесс прошел как можно тише?

– В смысле, за это и выпьем? – я угадала невысказанное предложение. – Хм... Но это разве что вечером, сейчас нам надо работать...

– Трудиться! – напомнил Дима с узнаваемой интонацией Плевакина и воздел указательный палец.

Я захихикала, но смех был нервный, как вся моя жизнь.

Истец Волошин Г. В.

– Гоша, положи, эта дрянь даже на тряпки не годится!

– Сам вижу.

Георгий Васильевич щипком снял с линялого клетчатого пледа ворсистый катышек, рассмотрел его, хмурясь, брезгливо отбросил и покачал головой:

– Понятно, почему это выкинули. Непонятно, зачем вообще покупали! Ну видно же – тут шерсти ни грамма, одна вискоза с целлюлозой, только и всего, что нарядный – в клеточку! Но из говна ж конфету не сделаешь...

– Разумеется, ты у нас самый умный и лучше всех умеешь делать покупки, – привычно съязвила Анна Трофимовна, аккуратно сворачивая придиричиво изученный свитер.

Вот свитер был хороший, не из вискозы, целлюлозы или какого другого «говна». Свитер оказался шерстяной. Заносенный до дыр на локтях, но все еще пушистый и колкий. На животе у свитера было большое, сразу видно, неистребимое пятно, и только это мешало ему продолжить жизнь в качестве предмета одежды. Рукава-то Анна Трофимовна прекрасно починила бы, у нее имелись подходящие куски искусственной кожи от старой сумки, из них получились бы превосходные латки, большие, но стильные.

Анна Трофимовна нахмурилась, прикидывая, как Георгий Васильевич отнесется к идее спрятать пятно на сви-

терном животе под большим и стильным накладным карманом... Нет, не одобрит. Скажет: «Я тебе кто – кенгуру?» – и еще долго будет непримиримо пыхтеть вонючей сигаретой.

Ну и ничего, она еще дома этот свитер хорошенько рассмотрит – на просвет, держа его над направленной вверх настольной лампой, – и, если выяснится, что шерсть не тронула моль, распорет по швам и распустит. Из такого большого свитера можно связать Георгию Васильевичу превосходный жилет и носки. Или зимнюю шапку и просторный шарф с кистями.

Нет, лучше жилет. Превосходный. Георгию Васильевичу очень пригодится превосходный теплый жилет, зимой будет холодно, а у него спина...

А если моль уже успела поживиться этим свитером, то он пойдет на утепление стен. Два распоротых по швам рукава, передняя и задняя полочки – такого большого свитера хватит, наверное, на целый квадратный метр!

– А это? – Георгий Васильевич развернул шуршащий ком, и тот оказался просторной курткой, явно мужской. – Берем?

Анна Трофимовна прищурилась.

Куртка была в порезах, и никакие, даже самые стильные латки ее бы уже не спасли. Теоретически помогла бы художественная штопка, а лучше даже вышивка, какие-нибудь цветочные гирлянды... Но как отнесется к предложению ходить в цветочных гирляндах Георгий Васильевич, и думать не стоило. Гаркнет: «Я тебе что – клумба?!» – и непримире-

мо запыхтит.

– А ну-ка, – Анна Трофимовна потянулась к куртке, пытливо пощупала полу, вывернула ее.

– Подкладка вроде целая, – сказал Георгий Васильевич, угадав ее интерес.

– Тогда, конечно, берем, – решила Анна Трофимовна. – На стену пойдет.

– Ничего, что синтетика?

– Зато непродуваемая.

Помогая друг другу, они сложили сегодняшние находки в сумку на колесиках, и Георгий Васильевич привычно впрягся в нее:

– Ну? К магазину еще пойдем или сразу домой?

Во дворе у продуктового магазина «Солнышко» имелась еще одна хорошая мусорка. Она была спрятана в глубине уютного старого двора, и посторонние прохожие с улицы ее даже не видели. А народ в соседних – старых, «сталинских» еще, – домах проживал не самый бедный, так что на мусорке то и дело оказывались вполне еще годные вещи. Однажды они нашли там исправную микроволновку. Ее пришлось долго отмывать – изнутри она была вся заляпана жиром, а снаружи просто запачкалась и запылилась, зато работала хорошо. Только энергии забирала многовато...

– Давай домой, – попросила Анна Трофимовна и потерла плечо. – Суставы ноют, погода портится, мне бы в тепло...

Она больше ничего не сказала, пошла вперед, но Георгий

Васильевич нахмурился, стиснул зубы.

В тепло! Конечно, Ане надо в тепло. У нее ревматоидный артрит, такой болезненный... А только где оно, то тепло? Осень едва началась, а в гараже уже сыро, промозгло.

Не рассчитали они. Недооценили московские холода. После северов-то! Думали, им и зимой тут вполне нормально будет, не минус сорок же.

Анна Трофимовна шла медленно, и по тому, какой деревянной стала походка супруги, Георгий Васильевич догадался, что ей совсем нехорошо.

– Погоди, Ань, я вперед, печурку раскочегарю!

Он обогнал ее и заторопился, подскользываясь на раскисшей после ночного дождя палой листве. Сзади, нагоняя и обещая стукнуть под коленки, с веселым дребезжанием катилась сумка-тележка, пухлая от сегодняшних находок.

До чего ж они докатились, гос-споди-и-и... По помойкам шарят! Ведь уважаемые были люди, он – мастер-механик, каких поискать, она – учительница математики, тридцать лет на северах, да, вкалывали, да, мерзли, да, света белого не видели, но летом обязательно в отпуск на юг, всегда добротная одежда, хорошее питание, ребенку свежие фрукты – все было, все! Копеечку скопили, думали, купят себе под старость квартирку в самой Москве да заживут наконец, как культурные люди. В музеи ходить будут! В театры! А хотя бы и в кино, и просто в парки, тоже хорошо...

Вот вам парки и кино: помойки и гаражи.

Никогда в жизни он так не ошибался, как с покупкой этой распроклятой квартиры. Но ему же как оттуда, с северов, представлялось? Москва – столица нашей родины, уж там-то во всем красота и порядок. Потому что где же еще им быть, красоте и порядку, если не в Москве? Там же сам президент, правительство, министры все – хотя они, конечно, тоже через одного жулики изрядные, ну, кроме разве что самого президента, тот вроде правильный мужик, за страну всерьез радеет, Крым вот вернул...

На площадку перед гаражом намело желтой листвы, Георгий Васильевич раскидал ее в стороны ногами. Аня не любит мусора, летом она эту площадку из шланга поливала и щеткой терла, чтобы плитка блестела. Георгий Васильевич ставил на площадку складное креслице и пластмассовый стул – тоже с мусорки, но еще крепкие и отмытые дочиста, деревянный чурбачок вместо столика, и сидели они там с Анной Трофимовной, чай пили... Хорошо было.

Георгий Васильевич погремел замком, распахнул скрипучие гаражные ворота пошире – впустил в помещение свежий воздух. Пошаркал ногами о шипастый резиновый коврик – Аня любит, когда чисто! – и зашел внутрь.

Вот гараж у них хороший, хотя бы с ним он не промахнулся. Кирпичный, со светом и водой. Еще с ямой, но она им особо не нужна, автомобиля-то нет, так что яма служит не для ремонта, а для хранения банок с заготовками. Они этим летом и варенья, и соленья запасли – а как же! Одними ма-

газинными продуктами с их финансами не прокормишься. Специально в область на электричке ездили, чтобы яблоки, вишни и огурцы подешевле купить...

После улицы, прогретой мягким осенним солнышком, гараж казался темной сырой пещерой. Поколебавшись, Георгий Васильевич включил и лампу, и электрический обогреватель, и плитку – от нее тоже идет тепло. Электричества приборы, конечно, жрут немерено, а это дорого, но у Ани же суставы, ей нужно тепло... На прошлой неделе они еще обходились печуркой из керамических горшков – очень остроумное изобретение, экономичная штукавина, одной свечой-таблеткой можно греться несколько часов. Но осень вступила в свои права, остроумная печурка перестала справляться, пришла пора много жрущих электрообогревателей...

Отопление бы им сюда провести, но как? То есть технически это не проблема, он бы сам все сделал, ерунда вопрос. Водопровод есть и электричество, можно колонку поставить, хотя она тоже много жрет, зато и тепло будет, и горячая вода... Не обязательно всякий раз в баню ходить, и тут помыться получится... Но на котел нужны деньги, а где их взять?

Нет, они, конечно, не нищие и не бомжи какие-нибудь. Гараж вот сняли, живут тут, а прописаны в деревне Черемшанка Ишимского района Тюменской области. Там у Ани сестра и старый родительский дом, половина его после смерти стариков Ане отошла, вот там они и прописаны. Пенсию

получают оба – хорошую, на северах же работали. А только Анечкина пенсия почти полностью уходит сыну Пете в Белоруссию, нет, теперь надо говорить – в Беларусь. Там, в Беларуси, почти как у нас в советское время: социалка хорошая, учеба, спорт, кружки всякие, лечение – это бесплатно, а вот зарплаты мизерные и подработку никак не найти. Петя работает в газете, получает мало, а у него семья – жена, детей двое. Пете приходится помогать. Вот и живут они с Аней на одну пенсию Георгия Васильевича. А в Москве даже северная пенсия, когда она одна на двоих, уходит как-то совсем незаметно.

А еще судебные расходы. Одному нотариусу за копии документов сколько заплачено, а ведь еще и юриста, наверное, нанимать придется. Без своего юриста они вряд ли дело выиграют, а им очень надо его выиграть, вот просто позарез. Учебный год начался, вот он закончится, и Петин старший, Дениска, придет поступать в Москву. Тут какой-то хитрый инженерный институт, какого в Белоруссии, то есть Беларуси, вовсе нету, а Дениске надо непременно в него...

Они же там – Дениска и Петя в Беларуси – как думают? Бабушка с дедушкой живут в Москве в своей собственной квартире. Однокомнатной, но новой, хорошей, со всеми удобствами. Они же не знают, что квартиру Георгий Васильевич так и не получил! Деньги отдал, а квартиры нет! И, может, никогда уже не получит, потому что вот таких, как он, обманутых дольщиков, пруд пруди, и только самые ум-

ные и ушлые могут чего-то добиться – хоть квартиры, хоть возврата денег...

Георгий Васильевич все-таки хочет квартиру. Чтобы тут в парки, в музеи, в театры... В больницы хорошие – Аню лечить. И чтобы Дениску в хитрый инженерный институт.

Вот Дениска приедет и где он тут жить будет – с ними третьим в гараже? Так гараж не их собственный, арендованный, его законный хозяин в любое время назад потребовать может. Вдруг не понравится ему, как Георгий Васильевич с Анной Трофимовной тут хозяйничают – ремонтную яму в погреб превратили, кухонный угол с электроплиткой и микроволновкой выгородили, спальную зону с надувным матрасом организовали, биотуалет поставили, стены вот тряпками утепляют... Да и потом, не дело это – пацану в гараже жить, это они, старые, еще могут помыкаться, ко всему привычные, на северах тридцать лет...

Хотя Ане, конечно, тоже нужно в тепло. Уехала бы, в самом деле, хотя бы на зиму к сестре, в деревню Черемшанку Ишимского района Тюменской области! Дом там старый, но крепкий, печь кирпичная на полкомнаты, дров полно... А у сестры муж-алкаш и мизерное пособие по инвалидности, она Аню даже с остатками ее северной пенсии с распростертыми объятиями примет. Но Аня разве поедет? Оставит его одного тут по судам бегать? Нет, конечно, они же затем и приехали, чтобы поближе к этой своей квартире быть – поняли, что оттуда, с северов-то, ни на что повлиять не смогут.

А тут хоть попытаются добиться правды.

Да нет – тут добьются! Тут же президент, правительство, министры всякие – даже если и они там жулики через одного, порядочные-то люди тоже имеются? Ну, президент хотя бы... Георгий Васильевич не отступится, этот заковыристый жилищный вопрос обязательно нужно решить. Пусть тяготно, через суд, но решить – и обязательно по справедливости.

Дениска приедет летом, к тому времени у них должна быть квартира. Значит, хоть ты сдохни, а надо решить этот вопрос до весны!

– Или решим – или сдохнем, – пробормотал себе под нос Георгий Васильевич.

Анечка еще не вернулась, обогреватель гудел, плитка потрескивала, в гараже становилось теплее.

Георгий Васильевич вынул из сумки найденное на мусорке тряпье и распластал старую куртку по кирпичной стене, примеряясь и оценивая. Ну, не очень красиво, не медвежья шкура, конечно, но нам сейчас и не до красоты.

Нам бы до весны как-нибудь продержаться...

На лавочке в сквере плакала бабка.

На фоне золотых и алых кленов она казалась слепым пятном, дыркой, протертой зловредным варваром в жизнерадостном полотне талантливого пейзажиста – вся какая-то серая: плащ, волосы, лицо, бесконечные слезы...

Отчаяние эта серая личность проявляла необычно: руки не заламывала, о спинку скамьи головой не билась, мольбы и претензии к высшим силам не выкрикивала. Просто сидела, ссутулившись и слегка покачиваясь, незряче смотрела на нарядные красно-желтые деревья, а по ее бледному отрешенному лицу ручьями бежали слезы.

Натка, которая неторопливо шла через сквер, от души наслаждаясь дивной осенью, остановилась и насупилась.

Рыдающая бабка портила ей картину мира.

Здесь и сейчас Наткина жизнь была прекрасна: осень выдалась чудесная и радовала теплом и яркими красками, Сенька пошел в школу и пока еще не разнес ее по камешку, на работе сменилось начальство, и новый шеф казался очень даже ничего... И с деньгами наконец-то не было проблем², у Натки даже появились амбициозные планы по части улучшения их с сыном жилищных условий... И тут эта скорбная плакальщица, как бельмо на глазу!

Натка похлопала себя по бедру пухлым веером из желтых и красных листьев.

Что делать?

Почему-то ей показалось неправильным просто пройти мимо, закрыв глаза на чужое молчаливое горе. Как будто в таком случае удача, с некоторых пор благосклонно сопровождающая саму Натку, могла рассердиться на нее за нечут-

² Подробнее читайте об этом в романе Т. Устиновой и П. Астахова «ДНК гения».

кость и отвернуться.

Искушать судьбу довольной жизнью Натке не хотелось.

С другой стороны, бабка выглядела подозрительно. Во-первых, рыдает, как ненормальная, слезы рекой... Может, действительно психическая? У них как раз по осени обострения случаются. Подсядешь к такой тихой плаксе на лавочку в скверике, а она, может, серийная маньячка, убившая уже девять человек. Сидит тут, оплакивает их крокодиловыми слезами и присматривает себе десятую жертву – юбилейную...

Натка трудилась верстальщицей в популярной «желтой» газете, ей то и дело давали в работу статьи про разных психов и маньяков. Совсем недавно, например, она верстала сенсационный материал про людоеда, который совершенно жутким образом убил своего соседа. Топором его зарубил и сварил! Узнал, что синоптики обещают суровую зиму, и стал припасы делать. До того, по словам знакомых, вел себя вполне нормально, тихий был и мирный, а этой дивной осенью вдруг взял и спятил...

Натка присмотрелась, но топора у рыдающей бабки не увидела. У нее вообще никаких вещей при себе не имелось, даже сумки или пакета. И карманы не оттопыривались, и руки были пустые – лежали на коленях безвольно, как неживые – восковые, только мелко вздрагивали...

– Бабушка, у вас что-то случилось? – решившись наконец, спросила Натка.

Если бы бабка с готовностью отозвалась на проявленное к ней внимание жестом, взглядом или приглашением «А ты присядь со мной рядом, деточка, и я тебе все расскажу», Натка, скорее всего, ограничилась бы ни к чему не обязывающим проявлением сочувствия. Сказала бы что-нибудь вроде: «Не расстраивайтесь, все будет хорошо!» – и пошла бы себе дальше с чувством исполненного морального долга. Но бабка промолчала и даже попыталась отвернуться – неловко, всем корпусом, как дряхлый человек с ревматизмом, а не как полный сил и творческих замыслов маньяк, успешно подкарауливший в засаде новую жертву.

– Я же вижу, что вы плачете! – нажала Натка, подойдя поближе.

В кармане модного тренча у нее завалялась одноразовая влажная салфетка из Макдака, и она как раз пригодилась:

– Держите, вытрите лицо... Ну, что случилось?

– У меня деньги украли, – неловко – восковые пальцы ее не слушались – вскрывая упаковку с салфеткой, пожаловалась бабка.

– Что, не хватает на билет, чтобы доехать домой, в Тверскую область? – не без ехидства предположила Натка.

Была у нее в прошлом году такая неприятная история. Лена, старшая сестра, на прогулке по городу где-то в районе площади трех вокзалов щедро отсыпала денег жалкой парочке – деревенскому парнишке с пожилой мамашей. Натка сестру отговаривала, говорила, что эти двое – жулики, но

Ленка, неисправимая добрячка, ей не поверила. Парнишка был бледен, тощ и растерян, его мамаша смотрела испуганно, ее морщинистые губы тряслись, и на худой, в пупырышках, как у ошипанного гуся, жесткой желтой шее отчаянно билась синяя жилка... Короче, Лена дала им денег, и женщина разрыдалась, а парнишка еще полквартила бежал за ними следом, многословно благодаря и выспрашивая адрес, чтобы вернуть эти несчастные пятьсот рублей почтовым переводом.

А спустя примерно месяц Натка опять увидела их на том же месте: невыносимо жалкие деревенщины снова кланчили у сердобольных москвичей и гостей столицы деньги на проезд домой, только на этот раз уже не в Тверскую область – в Саратов, в глушь, в деревню.

Натка тогда почувствовала себя просто оплеванной, хотя деньги мошенникам дала даже не она, а Лена... Оказаться сестрой лохушки, не отговорившей родную дурочку от вредной глупости, тоже было очень неприятно.

Рыдающая бабка тоже могла оказаться мошенницей-побирушкой. Запросто! Выглядела эта особа достаточно жалко, причем при ближайшем рассмотрении видно было, что она знавала лучшие времена: несвежий плащ на ней был из весенней коллекции популярного бренда, ботинки грязные, но тоже хорошие, кожаные, руки без заусенцев и царапин, лицо в разводах от слез, но не опухшее, без синяков и ссадин. Короче, не опустившаяся маргиналка, а приличная пожилая

дама в трудной жизненной ситуации.

И, кстати, не очень-то пожилая.

– В какую область? Да нет, я москвичка.

Улыбнувшись, женщина продемонстрировала прекрасные зубы, и Натка с удивлением поняла, что никакая это не бабка. Да ей лет сорок максимум! Даже волосы у нее вовсе не седые, а просто очень светлые и непричесанные – спутались, слиплись, вот и выглядят старушечьими космами.

– Москвички в скверах не рыдают, – назидательно сказала Натка и присела на край скамейки, где почище. – У москвичек есть родные, друзья и коллеги, которым можно поплакаться в жилетку. Или вы безработная сирота-интроверт?

Она нарочно выбрала этот немного задиристый и насмешливый тон, предполагая, что он приведет незнакомку в норму быстрее, чем сочувственное сюсюканье.

– Да, точно, Москва слезам не верит, – бабка, оказавшаяся теткой, наконец использовала Наткину салфетку по назначению: вытерла мокрое лицо и высморкалась. – Извините меня, совсем расклеилась... Никогда не думала, что со мной такое случится. Привыкла считать себя умной – и на тебе...

– Бывает, – согласилась Натка.

Ей не хотелось глубоко вникать в проблемы тетки-плаксы, довольно было и того, что удалось остановить слезы, но встать так сразу и уйти было почему-то неловко. А тут еще в сквере появилась баба Люба, да не проследовала мимо молча, как хотелось бы, а на ходу громогласно изрекла:

– Тьфу, аферистка! – и только потом утопала дальше, фыркая, как сытый морж.

– Кто это? – беспомощно удивилась плакса.

– Ну, аферистка, видимо, это вы, – с кривой усмешкой объяснила Натка. – А если вы спрашиваете, кто эта вредная особа в белобрысом парике, то познакомьтесь: баба Люба, моя соседка по дому. В четвертом подъезде живет, чтоб ее...

Бабу Любу Натка искренне не любила. Это у них было взаимное: баба Люба Натку тоже не жаловала и никогда не упускала возможности ее обругать или раскритиковать. Лена, умная старшая сестра, как-то объяснила Натке причину этой неприязни очень просто:

– Да она же ревнует и завидует тебе. В молодости эта баба Люба тоже была красавицей, как ты, и забыть об этом она никак не может. Отсюда все ее яркие наряды, парики, бусики, ну и наезды на тебя, красивую.

Не верить Лене не было причин, но объяснение Натке не понравилось: очень уж ее напугала перспектива с возрастом превратиться в такую вот бабу Любу. Пенсионерка, прохаживающаяся по дорожкам у дома модельным шагом от бедра, смотрелась, мягко говоря, странно: в малиновых лосинах, короткой замшевой юбке и расшитой стеклярусом джинсовой куртке с широкими подкладными плечами... И в завитом белокуром парике, так неприятно похожем на настоящие волосы самой Натки!

В общем, проявлять солидарность с бабой Любой хоть

в чем-либо Натка не хотела и поэтому решительно проигнорировала нелестную оценку, которую вредная старуха мимоходом выдала тетке-плаксе. Натка не только не отшатнулась в ужасе от предполагаемой аферистки, но даже придвинулась к той поближе и повторила свой вопрос:

– Так что же у вас случилось?

А потом с нарастающим интересом выслушала сбивчивый рассказ плаксы.

Галина Плетнева – так она представилась – работала в солидном риелторском агентстве. Натке даже было знакомо его название, она уже встречала его, потихоньку изучая предложения о продаже приличных «трешек». «Двушка»-то у Натки уже имелась, досталась от бабушки, но маленькая, простенькая, без претензий – из тех, которые называют хрущобами. Продать бы ее да купить другую, получше – об этом Натка начала задумываться не так давно, когда у нее вдруг появились деньги, отдельное большое спасибо за это великолепной пятерке бывших кавалеров.

А Галина Плетнева как раз специализировалась на такого рода сделках – со встречными продажами, когда для покупки нового жилья продают имеющееся и еще что-то добавляют к вырученной сумме.

– Это довольно сложно, нужно учитывать множество факторов, со «вторичками» работать вообще непросто, но зато интересно, – поведала она внимательно слушающей ее Натке. – Совсем другое дело «первички» от застройщика про-

давать, это как пирожками из буфета торговать – все просто и понятно. Поэтому у нас в агентстве «первичками» обычно новички занимаются, а кто поопытнее, те берутся за задачи посложнее. А я вот... дура такая!

– Почему же дура, и вовсе вы на дуру не похожи, – соврала Натка, подумывая уже сойтись с этой полезной теткой поближе.

На дуру неумытая-непричесанная рева Галина, конечно, смахивала. Но «свой» риелтор – это очень нужный человек. Когда-то бабушка Натке с Леной говорила: «Идите, девочки, в медицинский и в юридический. В семье обязательно должны быть врач и юрист». Бабушка знала жизнь, но только ту, старую. В новой список следовало расширить, теперь в семье не помешали бы еще программист и риелтор. Особенно в растущей семье, нуждающейся в расширении жилплощади. Лена, сестра, не осознала еще, что ей тоже придется решать жилищный вопрос: где, она думает, они с Говоровым гнездышко вить будут? В его «двушке», в ее? Им бы свои квартиры продать да новую купить, побольше...

– А потому дура, что взялась не за свое дело, ну и поплатилась! – Галина была самокритична. – У нас одна новенькая девочка вчера на больничный ушла, надолго, наверное, – в инфекционку с ребенком попала. И, чтобы ее клиенты от нас не разбежались, шеф предложил другим сотрудникам их разобрать, это у нас норма жизни, обычная практика. Там у нее клиентов-то было всего четверо, новенькая же, неопыт-

ная еще, можно было всех четверых другим ребятам из числа молодняка раздать, они бы справились, но я, дурища, по-жадничала. Цапнула две сделки себе, думала, быстренько их закончу и свои проценты получу, как раз смогу погасить кредит за дочкину учебу в институте... Ну, вот мне за жадность мою – ни сделки, ни процентов! Еще и свои деньги потеряла, а в кошельке-то у меня и наличка была, и карточки...

– Так что случилось-то? – чуточку нетерпеливо повторила Натка уже в третий раз.

– Да что? – Галина горько усмехнулась. – Покупатели оказались ненастоящими. Попросту жуликами. Коллега моя их по неопытности как следует не проверила, я тоже не остереглась... Короче, договорились мы встретиться на объекте, чтобы они посмотрели на строящийся дом и свою будущую квартиру. Я приехала, они тоже – два рослых парня, я еще подумала: голубые, что ли? Не иначе гнездышко вить собрались, раз однушку себе присматривают...

– И что? – Натке, привыкшей к скандальным газетным статьям, хотелось динамичного сюжета.

– И то! Зашли мы в эту квартиру – ну, однушка как однушка, двадцать пять квадратов, стены пенобетон, отделка предчистовая, площадь небольшая, зато южная сторона... Стоп, о чем я? Зашли мы, значит, в эту однушку, и только я от голубков этих отвернулась, а они меня – раз! По голове тюкнули и, пока я в отключке валялась, карманы вывернули. И сумку мою забрали, а там бумажник с деньгами и картами,

мобильник, ключи от квартиры...

Галина снова заплакала.

– То есть вы ни позвонить никому не можете, ни домой к себе попасть? А живете-то где? – Натка конкретными деловыми вопросами не позволила новой знакомой опять разнюниться.

– На Северо-Западе... На метро нужно ехать, потом на маршрутке, а денег же нет, да и ключей...

– Ну, вот что, – Натка встала с лавочки и потянула за собой Галину. – Сейчас мы пойдем ко мне, я тут рядом живу, во-он в том розовом доме, и первым делом выпьем горячего чаю с малиновым вареньем. Вам это явно не помешает, у вас уже губы синие, небось давно сидите тут, а на дворе-то не лето...

Успокаивающе забалтывая растерянную и шмыгающую носом Плетневу, Натка повела ее к себе. Чувствовала она себя при этом матерью Терезой и Матой Хари одновременно – заботливой, доброй, но хитрой и с дальним прицелом. По всему было видно, что случайная знакомая может ей пригодиться.

– Вот дурища безмозглая, одно слово – блондинка! – плюнула им вслед противная баба Люда, но Натка даже не обернулась и не высказала склочнице все, что она думает о чокнутых злобных старухах, воображающих себя юными красотками.

Бабу Любу это нисколько не обескуражило бы, даже на-

оборот, она с радостью включилась бы в дискуссию, а Натке неохота было понапрасну тратить жизненную энергию.

Ей же еще «двушку» на «трешку» менять, столько дел впереди, столько дел...

Чисто умытая, Галина Плетнева оказалась вполне симпатичной женщиной раннего бальзаковского возраста – поздний-то по нынешним меркам совпадал с пенсионным, да и то не у всех. Натка, сама большая любительница мероприятий по сохранению и приумножению женской красоты, знала немало дамочек, которые и в пятьдесят выглядели на тридцать, а в шестьдесят – на тридцать один. Плетневой она дала бы сорок с небольшим, но это пока та без косметики. Умело подкрашенная, Галина запросто сбросила бы еще пяток годков.

– Я сегодня совсем не в форме, – уловив Наткин интерес, сказала она и круговым движением обвела в воздухе свое опухшее от рыданий лицо. – Редко, знаете ли, реву по два часа без перерыва...

– И слава богу, – серьезно ответила Натка, разливая по чашкам свежесваренный чай. – Подолгу плакать – это очень вредно для кожи лица. Особенно если кожа тонкая, чувствительная и с близко расположенными сосудами, она от соли воспаляется и жуткими красными буграми идет. А еще сосудики полопаться могут, и тогда глаза будут как у вампира...

– Вот-вот, – Галина опасливо посмотрелась в зеркальное

стекло дверцы кухонного шкафчика и вздохнула. – Теперь ни кожи ни рожи... Ни телефона, ни денег, ни ключей...

– Ну, денег-то я вам дам, – пообещала Натка. – Немного, но на проезд хватит, так что домой вы доберетесь. А вот как попасть в квартиру без ключей?

– Вот это как раз не проблема, я у соседки запасной комплект храню, она у меня в квартире цветы поливает, если я куда-то уезжаю, – Галина заметно приободрилась. – Честно признаться, настоящая проблема – потеря телефона. Если бы эти гады не забрали мой мобильный, я бы и такси себе спокойно вызвала, и расплатилась бы с водителем через мобильный банк с карты на карту... Ой, а карты! Карты же надо срочно заблокировать! Позвонить в банк... Наташенька, мне неловко злоупотреблять вашей добротой...

Она просительно посмотрела на Натку, и та пожала плечами:

– Да что там... Можете позвонить с моего телефона.

Она дала Галине свой мобильный и ушла из кухни, чтобы не присутствовать при разговоре. Натке случалось терять зарплатную карточку, так что она прекрасно знала, какой это муторный процесс – блокировка карты по телефонному звонку. Банковские сотрудники так настойчиво выжимают из клиента-растеряши приватную информацию, как будто они в инквизиции стажировались...

Через несколько минут, закончив разговор, Галина выглянула из кухни и позвала хозяйку:

– Наташенька! Спасибо вам огромное, я все свои вопросы решила. Карты заблокировала, такси вызвала, соседку предупредила, что зайду за ключами... Не знаю, как мне вас благодарить... Вы меня просто спасли!

– Не преувеличивайте, – отмахнулась Натка.

– Нет-нет, это правда! Я там, на лавочке, в таком отчаянии была, совершенно не соображала что делать, хоть иди и топись, – Галина вздохнула. – Оказывается, современного человека так легко выбить из колеи! Нет мобильного и денег – и всё, ты отрезан от мира и совершенно беспомощен... К счастью, не перевелись еще добрые люди.

Она с признательностью посмотрела на смущенную Натку:

– Не знаю, как, но я вас обязательно отблагодарю, обещаю!

– Да что вы, к чему это, – забормотала та в ответ. – Не надо благодарностей, приятно было познакомиться...

Разумеется, они обменялись контактами и договорились через некоторое время встретиться.

– Когда я буду больше похожа на приличного человека и смогу вас угостить хотя бы кофе с пирожным, – с улыбкой сказала Галина.

Вскоре она ушла. Натка закрыла за ней дверь, подошла к окну и посмотрела, как Плетнева садится в такси. Все вроде было в порядке, машина за Галиной приехала нормальная, действительно такси, а не какой-нибудь подозрительный

бомбила, с которым до последнего не знаешь, куда он тебя доставит и в каком, собственно, виде...

Не зря говорится, что мы в ответе за тех, кого приручили: Натку уже тянуло опекать новую знакомую, как будто то, что Галина однажды попала в такую неприятную историю, выдавало в ней неприспособленную дурочку.

На самом-то деле, конечно, все было не так, иначе Плетнева не стала бы успешным риелтором.

Это как раз сама Натка то и дело влипала в опасные авантюры, о чем предпочитала не вспоминать. Ей нравилось думать, что она не только красивая, но и умная. Пусть не такая умная, как старшая сестра Лена, но тоже очень даже ничего...

Проводив отъехавшее от дома такси, Натка подняла голову выше и уперлась взглядом в недостроенную жилую башню. Над растущим зданием еще трудился огромный подъемный кран, а его нижние этажи уже приобретали приличный вид – стены были оштукатурены, в окнах блестели стеклопакеты... Вот, наверное, где бедная Галина получила по голове – в одной из квартир на нижних этажах этого дома.

Впрочем, дом-то это не компрометировало, он Натке, пожалуй, даже нравился. Новый, красивый, в приличном и привычном районе...

Надо по-свойски расспросить Галину, что там за квартиры и каковы условия их приобретения, решила Натка.

На уровне третьего этажа от угла до угла через весь фа-

сад недостроенного здания тянулся гигантский баннер с надписью: «Готовые квартиры! Скоро сдача! Возможна покупка в рассрочку!» – и контактными телефонами. Но какой дурак нынче верит рекламе и звонит в отдел продаж?

Натка душой не была и рекламе не верила.

Истец Петровская Е. Н.

– Ну что скажете? – директор по маркетингу обвел глазами присутствующих.

Присутствующие сделали непроницаемые лица.

Катя мысленно застонала.

Она знала эту офисную игру-угадайку. Директор, зараза, коварно не высказался, и теперь его подчиненные будут пытаться уловить мысли шефа, выражаясь так уклончиво, чтобы в любой момент, едва начальственное лицо мимически выразит склонность к согласию или несогласию, развить намерки в нужном направлении.

То есть правду не скажет никто.

Никто не вздохнет печально, не посмотрит на директора глазами больной коровы и не бухнет: «Василий Антонович, да фигня это всё! И идея фигня, и подача фигня, и вообще мы тут с вами одной только фигней и занимаемся с утра до вечера с перерывом на обед и кофе-брейки».

Катя вздохнула. Ей очень хотелось перерыва на обед и собственно самого обеда. Или хотя бы кофе, пусть даже без брейка. Просто кофе, можно даже растворимого. Совещение тянулось уже третий час, и только пять минут назад вошло в ту стадию, к которой имела непосредственное отношение Катя. Битых два часа она терпеливо слушала про воронку продаж, конверсию, ретаргетинг и отчаянно скучала,

но мужественно скрывала свое отношение к происходящему и присутствующим. Не хватало еще, чтобы они догадались, что она считает всю их важную работу фигней!

– Вроде все хорошо, – осторожно сказала начальница отдела рекламы.

По субординации она подчинялась напрямую директору по маркетингу, и это обязывало ее первой ступить на минное поле.

«Вроде все хорошо» никаких перемен в каменной начальственной физиономии не вызвало, и начальница отдела рекламы, выждав пару секунд – вдруг хотя бы моргнет? – аккуратно сменила вектор:

– И в то же время как будто чего-то не хватает...

Директор по маркетингу моргнул.

– Коллеги, какие есть предложения? – обрадованная начальница отдела рекламы моментально перебросила мяч в толпу, и ее подчиненные согласно загудели – мол, да, действительно, чего-то и в самом деле не хватает...

«Чего?! Чего еще вам не хватает?!» – едва не заорала Катя. Она переделывала эти рекламные макеты уже трижды, и всякий раз заказчик в заключительной стадии работ почти полностью менял техническое задание, притворяясь, будто это совершенно нормально.

Нормального в этом не было ничего!

Нормальным был только обещанный Кате гонорар, да и то лишь до того момента, пока речь не зашла о третьей пере-

делке. Потом затраты времени и усилий стали несоразмерны оплате, но Катя скрепя сердце и скрипя зубами продолжала выруливать к финишу из дебрей, в которые ее раз за разом заводили кретины, занимающиеся своей фигней так возмутительно непрофессионально.

Господи, за что ей это – работа с идиотами? Чем она заслужила такую пытку?

– Возможно, имеет смысл поменять цветность, – высказался кто-то из рекламщиков.

Директор по маркетингу посмотрел на него с легким интересом, а Катя – с откровенной ненавистью.

Идиоты! Вот сейчас еще кто-нибудь выдаст бессмертное...

– И поиграть шрифтами, – в самом деле сказал кто-то.

Катя не выдержала и издала слабый стон.

– Дизайнер не согласен? – тут же спросил ее директор по маркетингу.

Таким тоном, как будто собирался продолжить: «Возможно, имеет смысл поменять дизайнера?»

Этого Катя допустить не могла.

Она убила на их фигню две недели и твердо рассчитывала на обещанный гонорар. Ее кормилец, во всех смыслах дорогой Макбук, в последнее время заметно тормозил, намекая на необходимость добавить ему памяти. Внешний жесткий диск в интернет-магазине стоил пятнашку, еще пятерку предстояло отдать мастеру за ремонт, пусть заодно и клави-

атуру проверит, там явно какая-то проблема – средний ряд иногда залипает, а еще нужно заплатить хозяйке за комнату... И теплые ботинки купить. Холодает уже, а у нее из приличной осенней обуви остались одни ботильоны на рыбьем меху...

– Катерина? – начальница отдела рекламы звонко постучала ручкой по стеклянной столешнице, привлекая ее внимание.

– Что? А, нет, что вы, дизайнер со всем согласен, – довольно мрачно, не в тон словам, ответила Катя.

Конечно, переделывать макет фигни в четвертый раз ей не хотелось. Хотелось стукнуть кулаком по столу, вскочить, отшвырнуть ногой офисный стул на трубчатых паучьих ножках, протопать ботильонами к двери и с грохотом захлопнуть ее за собой. Но деньги... Деньги были нужны. Хоть за фигню, хоть за ерунду, хоть за сущую ересь – где сейчас найдешь приличный заказ, не говоря уже о нормальной работе?

Нормальная работа у Кати была пять лет назад.

Тогда она была официально оформлена в газете «Комсомольская правда» на должность директора редакционно-издательского центра в Ростове-на-Дону и командовала там дюжиной верстальщиков. Признаться, это было непросто: верстальщиками работали почти исключительно парни, которым не нравилось подчиняться женщине и жестким правилам, введенным в газете. Верстка строго по утвержденным стилям, никакого самовыражения, шаг вправо, шаг влево –

побег, расстрел на месте. Ну, не расстрел, конечно, но выволочка в приказе и лишение премии, опять же ничего хорошего. Кате все это тоже не нравилось, но она отводила душу дома, рисуя картиночки для себя. В РИЦе у нее одной было настоящее профильное образование – Московский полиграфический институт, и толк в журнальной и книжной верстке она понимала, но не собиралась всю жизнь заниматься этой рутинной.

Дура! Сидела бы в РИЦе и не рыпалась.

Но как не рыпнешься, когда тебе предлагают чудесную работу за сказочные деньги?

– Катюха, не тупи! – жарко дышала в телефонную трубку Танька, однокурсница в прошлом и подруга навеки. – Это предложение из разряда «один раз и только для вас»! Ты, мать, понимаешь, что второго такого шанса не будет?

Таньку позвали в свеженький, с иголки, парк развлечений – новый русский Диснейленд – и разрешили самой собрать команду крутых дизайнеров. Танька разумно решила, что самые крутые – это те, кого она лично знает, и сманила к себе в Сочи несколько действительно классных профи из числа старых добрых друзей. Заодно и хорошую компанию себе обеспечила! Катя тоже сдалась – повелась на неприлично высокую зарплату, ну и еще фронт работ ее подкупил. Это было действительно круто – с нуля создавать всю айдентику³, оформлять невероятные аттракционы, тематизировать тер-

³ Айдентика – корпоративный фирменный стиль.

риторию, делать макеты для фирменных сувениров и смелой наружной рекламы...

За три года в парке Катя свято уверовала в то, что она спецкаких мало и ее в любом месте просто с руками отхватят. Зря она это, конечно. Оторвалась от реальности, а после упала на землю и больно ушиблась.

Через три года Танька укатила обратно в Москву – там тоже построили новый классный парк, но команду дизайнеров для него собирал уже кто-то другой, Таньку даже не спросили, так что Катя приглашения не получила.

Ее новый начальник первым делом зачистил территорию, вырвав с корнем, как сорняки, всех мало-мальски толковых спецов, способных составить ему, пафосной бестолочи, реальную конкуренцию. Катю виртуозно подвели к увольнению «по собственному», и она ушла, пребывая в полной уверенности, что ничего не теряет. У нее были бесценный опыт, умение и желание работать, прекрасная репутация и роскошное портфолио.

И все это оказалось никому не нужно.

Поначалу Катя не дергалась. В парке она хорошо зарабатывала и с пухлой финансовой подушкой безопасности чувствовала себя вполне уверенно. Она устроила себе долгий отпуск, всласть навалялась на пляже, купалась в море и съездила в Италию, откуда привезла целый чемодан отличных модных тряпок, чтобы ходить в них в новый офис.

Но с новым офисом все не складывалось. Эйчары прилич-

ных компаний, как сговорившись, почему-то категорически не желали брать на работу специалистов в возрасте «сорок плюс», а Кате было уже почти пятьдесят.

Самой ей вовсе не казалось, что это много – какие проблемы-то? Она здорова, хорошо выглядит и не отвлекается от работы на шашни с кавалерами или возню с малышами... Кавалеров у нее не было, бывший муж, нынче друг по СМС-переписке, не считался, а единственный Катин ребенок, дочь Маруся, сама уже взрослая, самостоятельная девица, жила с бойфрендом в Питере... И собственный возраст Катю совсем не пугал, наоборот, она нетерпеливо предвкушала тот момент, когда ей исполнится пятьдесят пять, потому что на эту дату у нее были большие планы.

В пятьдесят пять Катя собиралась уехать в Болгарию.

На деньги, распирающие Катину небольшую, но приятно пухлую финансовую подушку, в Болгарии можно было купить прекрасную двухкомнатную квартиру в курортном городке у моря. Причем российским пенсионерам предоставлялись разные преференции, в том числе возможность сразу получить вид на жительство, а потом гражданство для себя и членов семьи. Маруся с бойфрендом, который к тому времени вполне мог стать мужем, наверняка тоже не отказались бы от болгарских паспортов, мало ли что, вдруг пригодятся...

Когда срок выхода на пенсию отодвинули, у Кати возникло ощущение, будто ее хрустальную мечту шарахнули с раз-

маху о камни. Ее швырнули, и она раскололась, как хрупкая шкатулка, вывалив в холодную грязь уютно прятавшуюся там мечтательницу Катю. «Каких-то пять лет» до пенсии превратились во все десять, курортная Болгария отодвинулась в смутную даль, надо было продолжать работать и зарабатывать, а не тягать потихоньку из финансовой подушки, перебиваясь случайными заказами...

А постоянной работы для крутого и недешевого дизайнера в провинции не было.

– Да ты, мать, не понимаешь что ли, как все устроено? – устало вздыхала в телефонную трубку Танька, далекая подруга навеки. – У нас тут, в Москве, тоже все по блату! Чтобы устроиться на хорошую работу, люди большие деньги платят.

– Кому? – настойчиво спрашивала Катя. – Скажи, кому и сколько я должна заплатить за хорошую работу?

– Да не знаю я, – вяло отбивалась Танька. – Ты вообще за кого меня принимаешь? Я не спец по кадрам, я заместитель руководителя отдела дизайна, а весь отдел со мной и начальником состоит из четверых человек. И никто с места трогаться не собирается, дураков нет! Ищи на Хедхантере, там бывают неплохие вакансии с зарплатой более или менее в рынке.

На Хедхантере Катя искала и даже иногда что-то находила, но на «зарплату более или менее в рынке» пойти никак не могла. Такая зарплата после вычета налогов и стоимости

съемного жилья превращалась в довольно скромную сумму – кассирши в супермаркетах примерно столько же получают.

Кате не хотелось скатываться в суровую и бескомпромиссную бедность. И вот тогда возникла мысль, на тот момент показавшаяся ей гениальной: купить квартиру в Москве! А что? Деньги у нее есть, до Болгарии еще десять лет, значит, пока можно распорядиться накопленной суммой по-другому.

Собственная квартира в Москве, пусть маленькая и далеко не в центре, решала вопрос с «зарплатой более или менее в рынке». Имея свое жилье, можно работать за меньшие деньги, а уж такую работу она в столице точно найдет. Москва – это вам не Ростов или Сочи, там работы полно...

В Москве «болгарских» денег хватило на однушку в строящемся доме. Катя не проявила беспечности, она внимательно изучила всю доступную информацию о застройщике. По всему было видно, что этот «Райстрой» – приличная компания, уже успевшая возвести и благополучно сдать три многоэтажных дома. Катя купила однушку в четвертом, очень быстро растущем. Повезло: успела выхватить одну из самых последних квартир! До заявленной сдачи дома оставалось всего шесть месяцев.

– Мать, ну не дура ли ты? – беспомощно сердилась спустя два года Танька, подруга навеки. – Брала бы вторичку да в ипотеку, дороже вышло бы, зато надежный вариант!

– Кто бы мне дал ипотеку, безработной? – тоскливо сопя,

вяло отбивалась Катя, вполне согласная с оценкой: да, дура она, дура полная и несчастная.

Не надо было ей экономить и рисковать. Взяла бы хоть потребительский кредит, миллион с ее кредитной историей банк и безработной бы дал, купила бы проверенную вторичку... Но кто же знал, что так получится.

– Значит, так, – сказала Танька, когда ей окончательно надоело Катино тоскливое телефонное сопение. – Иди-ка ты, мать, в суд! У нас на работе есть юрист, отличный мужик, мы с ним дружим. Я попрошу, он поможет тебе собрать документы. Все, хватит ныть, прилетай, будем решать твою проблему!

Хорошо, что на свете есть Танька, подруга навеки, и ее отличный мужик-юрист! Если бы не они, Катя и не знала бы, за какую ниточку потянуть. Юрист помог ей составить и подать исковое заявление, Танька подыскала комнатку у хозяйки – в глухом закоулке столицы и очень маленькую, но зато чистенькую и за подъемные деньги.

Про «зарплату в рынке» Катя и думать забыла. Столичные эйчары ориентировались исключительно на соискателей с московской пропиской, так что ей на местном рынке труда пока ничего приличного не светило. Приходилось перебиваться случайными заказами...

– Тогда давайте финализируем новые правки, – бодро предложила начальница отдела рекламы.

Ее шеф моргнул, Катя напряглась.

– Цветность поменять – это раз, шрифты – это два, – начальница азартно блеснула глазами. – О, я знаю, что делать! Давайте основное изображение немного изменим? Сейчас тут у нас темноволосый мальчик, а мы сделаем из него белокурую девочку, такую, знаете, куколку с кудряшками. Мне кажется, тогда картинка заиграет...

«Какая фигня!» – с тоской подумала Катя.

А вслух сказала с фальшивым энтузиазмом:

– Да, девочка – это просто отличная мысль!

Об утреннем отключении воды я и не вспомнила бы до другого такого случая, если бы мою не по возрасту девичью память не освежила Сашка. За ужином, когда я с наслаждением хлебала наскоро сваренный супчик, она положила передо мной свой смартфон:

– Вот, почитай. Я подключилась к нашему домовому чатику.

– К чему? – не поняла я.

– «К чему?» в смысле «зачем?» или ты не в курсе, что такое домовый чатик? – не пощадила темную мать продвинутая дочь.

– Второе, – буркнула я.

– «Второе» в смысле «дай котлетку»?

– Ты издеваешься?!

– Ага, унижаю и доминирую, не упускать же такой случай, – довольно хохотнула непочтительная дочь. – Слушай

и запоминай: домовый чатик – это такое гиблое место в виртуальности, куда жильцы приходят типа потусить и поплакаться. Ты поскроль, там прикольно...

Я отложила ложку, взяла смартфон, поскролила – то есть пролистала ленту – и действительно увлеклась, зачиталась.

Наш домовый чатик оказался чем-то средним между деревенской завалинкой и телесериалом с легким детективным уклоном.

В чате соседи поднимали и активно обсуждали разные злободневные бытовые вопросы, реже – вносили предложения по улучшению нашей общей жизни, а заодно непринужденно общались. Выглядело это как коллективный поток сознания и требовало фильтрации.

Сегодня в нашем домовом чате было вот что:

Управдом: «Всем хорошего дня! Накопленные деньги на текущий ремонт дома в этом году направлены на второй подъезд. Начато изготовление новых окон, обещают замену в ближайшее время».

Жильцы второго подъезда: «Очень хорошо!», «Прекрасно!», «Отлично!».

Кто-то из первого подъезда: «А когда уже отремонтируют сливную трубу первого подъезда и оштукатурят размытый угол?»

Жильцы второго подъезда: «Покинул группу», «Покинул группу», «Покинул группу».

Управдом: «Водосток уже ремонтировали. Посмотрите во

время дождя, есть ли протечка и где. Заявку надо подавать в ГУК с точным описанием проблемы. А ремонт стен дома планируется во время капитального ремонта, это через два года».

Кто-то, философски настроенный: «Не все ведь доживут...»

Кто-то сердитый: «Ага, порем от обезвоживания! Почему воды опять утром не было?!»

Жильцы всех подъездов: «Да, почему?», «Что с водой?», «И не туды и не сюды!».

Управдом, уклончиво: «Информацию об аварийных отключениях можно получить в горводоканале или у обслуживающих компаний, телефоны смотрите на доске объявлений в каждом подъезде».

Жильцы, агрессивно: «То есть управдом не в курсе?», «То есть отключение аварийное?», «То есть нас и предупреждать не надо?!» и «Мы пойдем в суд!».

– Зачем же сразу в суд? – пробормотала я. Не хотелось мне переизбытка работы...

«А куда?» – тут же спросил кто-то в чате.

Управдом, нервно: «Да куда хотите! Кстати, напоминаю: до 20-го числа необходимо сдать показания по расходу воды!»

Кто-то наблюдательный: «Уважаемые соседи! Я видел, воду нам перекрывают мужики с соседней стройки. Подозреваю, что они врезаются в нашу трубу».

Кто-то вредный: «Как врезаются? Как айсберг в «Титаник», только неоднократно? Уже третье отключение за этот месяц».

Кто-то рассудительный: «И наверняка не последнее. Тому дому еще строиться и строиться...»

Кто-то хозяйственный: «Покупаем ведра и тазики, запаасаемся водой».

Кто-то ушлый: «У меня есть приятель на базе хозтоваров, он может продать нам прекрасные тазы и ведра оптом по сниженным ценам. Кто будет брать, записываемся!»

– Я, кстати, наполнила водой две трехлитровые банки изпод соленых огурцов, – отрапортовала Сашка.

– Молодец, – я похвалила прагматичную дочь и вернула ей смартфон. – Продолжай в том же духе. Отслеживай развитие событий и держи меня в курсе происходящего.

– Да, мэм! – Сашка вытянулась во фрунт.

– Вольно, – махнула я. – Дай уже спокойно доесть...

Но спокойно не получилось. Едва я налила себе чаю – позвонила Натка.

– Лен, а давай мы с тобой все продадим и купим в пригороде классный таунхаус на двух хозяев! – даже не поздоровавшись, с энтузиазмом предложила она.

– Что «все» мы продадим? – уточнила я, стараясь сохранять спокойствие, что было очень непросто, потому как от неожиданности я обожглась горячим чаем. – Ум, честь и совесть, а также душу дьяволу? Да я, даже если всё до послед-

ней нитки с себя сниму и продам, на одно крылечко твоего таунхауса вряд ли наберу!

– А ты кредит возьмешь, тебе дадут, ты ж судья, у тебя зарплата вся белая, как снежинка! – не стушевалась Натка.

– И такая же маленькая! – я начала сердиться.

Раньше моя дорогая сестрица безудержно разорялась на тряпки, украшения, развлечения и косметические процедуры. Мне, разумеется, хотелось, чтобы ее траты стали более разумными и солидными, но я никак не ждала, что легкомысленная Натка всерьез задумается о покупке недвижимости. А она вот и сама задумалась, и меня заставляет голову ломать и карманы инспектировать!

– Знаешь, Лена, в чем твоя главная проблема? – обиженно засопела сестрица.

– В наличии у меня младшей сестры?

– Нет! В отсутствии у тебя...

– Денег.

– Опять нет! Фантазии! – Натка, сама известная авантюристка, заговорила с покровительственно-сочувственными интонациями. – С выдумкой у тебя, Лена, очень плохо! И, как следствие, с далекоидущими планами!

– Да пошли они, эти далекие планы, куда подальше, – легко согласилась я. – Натка, я тебя умоляю: не втягивай ты меня в свои авантюры. Честное слово, мне других забот хватает... Лучше расскажи, как там Сенька? Школа уже лежит в руинах или еще стоит, только слегка покосилась?

Мы переключились на обсуждение интересной и много-трудной жизни современных первоклассников, и тема улучшения Наткиных жилищных условий была забыта.

Впоследствии я очень жалела о том, что малодушно по-щадила свои нервы и отмахнулась от сестры с ее фантазий-ными проектами по части прироста квадратных метров, но было уже поздно...

Очередной день прошел нечувствительно – в скучных праведных трудах. Веселье началось, когда я уже ехала с ра-боты домой. Позвонила сердитая Сашка:

– Мам, купи пиццу, лучше всего «Четыре сыра», только самую большую!

– С чего бы это? – Мне тоже хотелось пиццы, но не хо-телось лишних трат. – В холодильнике есть куриное филе, приеду – пожарю, а ты пока картошку почисть...

– Не вариант! У нас света нет, я в потемках за нож не возь-мусь!

– Что значит – света нет? Снова выбило пробки? – я огорчилась и встревожилась. – Сань, признавайся, ты опять включала в розетку что-то мощное?

В прошлом месяце дочь с подружкой-актрисой снимали у нас дома какой-то ролик, специально притащили пару сту-дийных софитов, ну и полетели наши пробки ласточками...

– А что сразу я?! – возмутилась Сашка. – Я тут вообще не при делах! Света нет во всем доме! Я тебе потому и звоню – предупредить. Лифт не работает, темно, как в жо...

– Не выражайся!

– Как в по...

– Я кому сказала, не выражайся!

– В потемках мы тут, короче!

– Мы – это кто?

– Мы – это я и Фома, он как раз в гости заскочил...

– То есть у нас дома нет света, но есть Фома? – Я непроизвольно крепче придавила педаль газа. – Так, ведите себя прилично, я скоро буду. Очень скоро!

Фома Горохов – однокашник и друг моей дочки. Сама она горделиво называет его «мой парень», и это мне очень не нравится. Я точно не знаю, где в наше время проходит грань между невинной дружбой девочки с мальчиком и их вполне себе взрослыми отношениями, но подозреваю, что определения «мой парень» и «мой бойфренд» сигналият о критической близости Рубикона.

Если верить Сашке, у них с Фомой пока ничего такого не было, так пусть и не будет еще хотя бы года три. Лучше пять. А еще лучше – до окончания Сашкой института. Сначала диплом о высшем образовании, потом секс – вот такая последовательность меня как мать, не торопящуюся стать бабушкой, вполне устраивает.

Вопрос в том, устроит ли она Сашку и особенно Фому, молодые люди – они ведь в этом вопросе руководствуются принципом «чем раньше – тем лучше», им только дай шанс... А у нас свет отключили! Ну просто провокация ка-

кая-то! Может, наши власти таким образом демографию наладить хотят?

Я ускорилась. Заскочила на одну минуточку в торговый центр за пиццей, а потом гнала, как Шумахер в его лучшие годы, и успокаивала себя тем, что мне-то еще повезло. Сашка хоть и шушукается со старшими подругами, подковываясь при их содействии в теории секса, но к практике переходить не спешит. Не то что Люся Семенова из первого подъезда, та уже в девятом классе своего первого родила и сейчас, кажется, снова ходит беременная.

Ох, какое счастье, что гуру модного бизнеса не рассказывают юным быути-блогерам и другим впечатлительным барышням о благотворном влиянии качественного секса на женскую красоту! Думаю, это только потому, что качественный секс нельзя фабричным способом разлить по баночкам и бутылочкам и задорого продавать в магазинах элитной косметики. А ведь раскупали бы... Какая мощная коммерческая идея, какой перспективный стартап... Тьфу, о чем я?!

В подъезде действительно было темно, как в жо и по. Из домов, с трех сторон обрамляющих наш двор, лишь один приветливо сиял освещенными окнами, два других печально высились гигантскими кладбищенскими памятниками. Фонари на улице, однако, горели, и троллейбусы ездили исправно. То есть отключение электроэнергии случилось не широкомасштабное, а локальное, и не посчастливилось почему-то опять нашему дому! Действительно, «Титаник» ка-

кой-то! Неоднократно атакованный...

Сердито пыхтя и подсвечивая себе мобильником, я поднялась по лестнице и нажала на кнопку звонка у своей двери. Вспомнила, что электричества нет, тихо выругалась и пару раз бухнула в дверь ногой, чтобы меня уж точно услышали. Сашка с Фомой вполне могли закупорить уши наушниками с громкой музыкой из своих смартфонов, они так часто делают. Жуткое зрелище, к слову сказать: сидят на диване в обнимку парень с девушкой, оба в наушниках, как пара Чебурашек, глаза стеклянные, веки и ноги подергиваются в такт музыке, но она у каждого своя, так что синхронности никакой... Зомби-апокалипсис в отдельно взятой квартире.

– Ну наконец-то! Дай сюда! – открыв мне дверь, дочь выхватила коробку с пищей и унеслась с ней на кухню.

Там что-то свистело, мерцало, меняло цвет, красиво подсвечивая профиль Фомы. Это он за ноутбуком сидит, кино смотрит, сообразила я и обрадовалась. Невинное же занятие! Не грозящее мне стремительной эволюцией в бабушку.

– Фомка, убирай комп и чайник выключи, не слышишь что ли, закипел! – распорядилась Сашка.

Ага, значит, свистит чайник. Как у нас все чинно, благородно!

– Здравь, тетя Лен, – Фома наконец заметил мое присутствие, вскочил, завозился, освобождая стол.

– Минутку, не закрывай! – я первой смекнула, что наш единственный источник освещения – ноутбук, хотя еще был

газ, но его Сашка как раз погасила. – Саша, достань свечи, они в крайнем кухонном шкафчике снизу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.